

ГЛАВА 1

Черные ветви шумели над головой. Сполохи далеких зарниц освещали ночное небо. Вверху метались, множились мрачные тени. Антон лежал на поросшем чахлыми деревцами склоне холма, в зарослях красного хвоща, среди руин древних построек. Когда-то здесь была круглая башня. Или сложенный из крупных валунов блиндаж. Остались только камни. По грудь человеку, по колено монстрам, от которых он прятался.

Антон вспомнил, как десять минут назад он, оступаясь и падая, мчался через густой подлесок. Следом неслись крупные, зубастые твари. Они обходили его полукругом, ревели и верещали, загоняя в ловушку. Он даже не знал, как эти чудища называются. Видел только тяжелые складки кожи над глубоко посаженными глазами, кинжальные зубы в два ряда и короткие мощные лапы с острыми когтями.

Бежать по изрезанной мелкими овражками местности было тяжело — мешал хвост. Полезный при беге на равнине и помогающий при прыжках с ветки на ветку в густых зарослях молодых деревьев, хвост все время цеплялся за колючий кустарник. Он саднил и кровоточил. Гладкий коричневый мех во многих местах ободрался, обнажив изъязвленную розовую кожу.

Спрятав хвост под куртку, Антон проверил винтовку. Первая обойма наполовину пуста. Двадцать зажигательных пуль он истратил на бой со слизнями — еще до гонки

через молодой лесок. Слизня, кроме как зажигательной пулей, ничем не возьмешь. Рубить его бесполезно — срывается моментально. Граната отшвыривает упругую гадину в сторону. Но слизень быстро возвращается на позицию. Лазерный луч прожигает в скользкой твари дыру. Но тварь мигом восстанавливается. Дыра затягивается, и слизень снова в порядке. Только еще более голодный. И с утроенным рвением устремляется к добыче.

Поэтому, когда штук десять слизней низринулись перед Антоном с молодых гибких деревьев, боезапаса он не жалел. Мини-заряды объемного взрыва при удачном попадании сжигали тварей.

Штук шесть он сжег. Остальные, почуяв запах паленой плоти сородичей, уползли.

Будь они чуточку умнее — нажились бы всем скопом и, потеряв одного-двоих, покончили с ним. Выходит, только благодаря их несообразительности и инстинкту самосохранения, плоть все еще у него на костях, а не в пищеварительных путях слизней. Но, возможно, судьба сохранила его для еще более страшной участи. Слизень, по крайней мере, убивает быстро и почти безболезненно. Его внешний пищеварительный сок, говорят, даже снабжен анестетиком. Заснув поблизости от слизня, можно просто не проснуться. Он растворит тебя тихо, без лишнего шума. А то, что ожидает заблудившегося в лесу, может быть гораздо более неприятным...

Над руинами мелькнула крылатая тень. Сфицерапс. Огромные кожистые крылья, острое ночное зрение, длинный, загнутый книзу клюв.

Резко, одним отработанным щелчком переключив винтовку на стрельбу из третьей обоймы, Антон выпустил в небо облако сверхтвердых игл. Сфицерапс заклокотал, изменил направление полета и ушел за дальние высокие деревья. Теперь жди гостей!

Какое-то время ничего не происходило. Начал накрапывать мелкий теплый дождик, потом над горизонтом под-

нялась вторая, голубая луна. В это время года она появляется незадолго до восхода солнца. Антон уже надеялся, что дождется рассвета. С рассветом может прийти помощь. Но еще раньше придут новые монстры...

Солнце еще не взошло, когда со стороны леса раздался звук гулких, сотрясающих землю шагов. Это не слизи и не вортексы. Это — хранты. Обычно они нападают даже на броневики, опрокидывают машины. Или таятся в зарослях, ожидая нужного момента, выпрыгивают и перекусывают пополам вертолеты. На отдельных разумных особей хранты нападают крайне редко. Но если эту особь нужно выкурить из удобного укрытия...

Антон влез на высокий и широкий валун круглого каменного вала и в голубом свете луны увидел надвигающиеся со стороны леса машины. Хранты, казалось, были слеплены из одних только мышц и зубов. Имея более чем приличную массу, они прыгают на высоту в два своих роста...

В разрушенной каменной крепости, где Антон укрылся от слизней, спасения от хрантов не было. Наоборот, рухнувшая башня стала его ловушкой. Лес стерегут слизи, равнину — вортексы. А хранты раздавят его и в кольце камней. Преграду они даже не заметят.

Можно ли свалить хранта кумулятивной гранатой? Теория говорит, что можно. Но на практике нужно попасть в уязвимую точку. А таких две: голова, точнее, ее лобная часть, и некоторые участки когтистой нижней лапы. Только значительные повреждения мозга или перелом несущей кости способны остановить несущегося к добыче хранта. Выстрела иглами он даже не заметит. Зажигательная пуля лишь раззадорит хищника.

Во второй обойме у Антона сохранились все четыре кумулятивные гранаты. Хрантов — три. Редкому мастеру стрельбы удавалось завалить хранта одной гранатой. А уж трех хрантов подряд свалить тремя удачными выстрелами — байка из охотничьего фольклора...

Переключив винтовку на стрельбу из первой обоймы, Антон нажал на спусковой крючок. Зажигательная пуля угодила твари точно в голову. Эх, если бы он не пристреливался, а сразу воспользовался гранатой! Тогда одним хрантом на свете стало бы меньше...

Зажигательная пуля лишь опалила морду чудовища. Хрант издал утробный рев и ускорил бег. Его сородичи не отставали ни на шаг.

«Была не была», — подумал Антон, шелкнул переключателем и выстрелил в лапу первой твари. Хрант споткнулся и завалился на землю, ломая кусты своим тяжелым, мускулистым телом. Что ж, даже если кость не сломана, скоро он не встанет. Хранты редко падают, но, если упали, подняться им тяжело — у этих монстров после падения плохо работает вестибулярный аппарат.

Три гранаты на двух хрантов — уже лучше. Антон выстрелил снова, целя в морду следующего зверя. В последний момент хрант мотнул головой, и граната пронеслась мимо, срезала верхушку молодого дерева и разлетелась во влажном воздухе снопом ярких белых брызг.

Две гранаты на двух хрантов — совсем неважно... Антон вновь выстрелил. На этот раз попал точно в голову. Выдохнул с облегчением. Зверь сделал несколько шагов и тяжело рухнул.

Один хрант. Одна граната. Промахнешься — верная смерть. Попадешь — останется хоть малая толика надежды уцелеть в этом аду, досидеть до прибытия своих.

Антон дождался, когда хранту осталось сделать до камней максимум три прыжка. С такого расстояния нельзя промахнуться. Выстрел! Граната пришлась зверю в лоб. Твердая черепная коробка разлетелась на куски. Безголовый хрант бежал дальше. Антон отпрыгнул в сторону, но тяжелый хвост падающей твари сбил его с ног. Рот наполнился кровью. В глазах потемнело.

«Это еще не конец», — убеждал себя Антон. А со стороны леса надвигалось что-то серебристое, эфемерное.

Зрение расплывалось. От этого нового, неведомого противника исходил ужас. Враг таил в себе какую-то неведомую угрозу.

Переключив винтовку на выстрелы одиночными, Антон пальнул в странного монстра иглами. Рассеивающий эффект поможет достичь цели. Зверь вдруг засеребрился, засверкал, ногу Антона обожгла жестокая боль. Непонятно, сломана ли кость, но кровь хлещет, течет в сапог...

Чем этот гад плюнул в него?! Кажется, тоже иглами. Какая же мерзкая тварюга! Антон переключил винтовку на стрельбу столь полезными и так быстро кончающимися зажигательными пулями и выстрелил снова. Моргнул, в глазах на мгновение прояснилось, и Антон увидел, как заряд отразился от серебристой кожи полупрозрачного чудовища, словно от зеркальной поверхности, и устремился в обратном направлении. Увернуться Антон не успел. Он ощутил жгучую боль в груди, и крошечная тьма воорвалась мутным потоком в его сознание...

Антон очнулся на носилках, в узком коридоре звездолета. Его тащили, временами задевая о стены, старший механик Кирилл Яловега и механик второго класса Паша Белочкин. Молодой человек приподнял голову и огляделся по сторонам. Да, он снова на «Семаргле», а не в диких джунглях незнакомой планеты. Просто расслабился на рабочем месте! И надо же такому привидеться!

— Очухался?! — услышал Антон. Голос у Яловеги был самым недовольным. Старший механик бывал счастлив крайне редко, только в те минуты, когда ему удавалось сказать кому-нибудь очередную гадость: — Чего принимаешь, Делакорнов, жалкая ты личность?

— Ничего, — выдавил Антон. В глазах у него все еще стояло увиденное. Сложно отвечать на вопросы, когда ты только что воевал с чудовищными, смертельно опасными тварями.

Белочкин хмыкнул. Антон решил, что при случае поговорит с ним.

Сгрузив коллегу в больничной каюте, механики отправились восвояси. А за Делакорнова взялся корабельный врач, Михаил Соломонович Химель. Принялся слушать его и обстукивать.

— Здесь болит? Здесь болит? В глазах не двоится?

— Не двоится, — пробурчал Антон. — Спал сегодня мало. Думал. Скажите, доктор, если человеку кажется, что у него есть хвост, и он воспринимает это как должное — что бы это значило?

Химель захлопнул чемоданчик с красным крестом и с сомнением посмотрел на Делакорнова. Молодой человек лежал на кушетке, сохраняя самый независимый вид. На его румяном лице нельзя было прочесть и тени стыда — лишь какое-то нездоровое возбуждение.

— Клиника таких синдромов может быть разная, — проговорил доктор Химель, пожевав влажными большими губами. — Точно могу сказать лишь одно: если вы будете и дальше злоупотреблять амфетаминами, мне придется сообщить об этом капитану.

— Сообщайте, — беззаботно заявил Антон, которому вдруг стало весело. Все-таки капитан — не хрант. — Не мешало бы ему приобщиться к чему-нибудь такому, что расширило бы его ограниченное сознание. Чем занимается наш капитан целыми днями? Сидит в виртуальной бильярдной или волочит за Инной... Хотя в этом вопросе, конечно, понять его можно... Инна и вправду прелесть. Стройная, длинноногая. Прямо модель, а не биолог. Но вот бильярд — это ведь занятие для идиотов! Что можно придумать глупее, чем целыми днями гонять шары?

— Знаете, юноша. — Химель побагровел, уловив двусмысленность замечания и усилием воли вгоняя себя в состояние праведного гнева. — Не вам судить капитана! У него есть свои причины для такого поведения. — Док-

тор резко поднялся. — Соблаговолите соблюдать мои рекомендации! Я на вас рассчитываю!

— Ладно, ладно, Михаил Соломонович, — примирительно кивнул Антон. Он уже сожалел, что затронул скользкую тему. Химель не был капитанским «наушником» (так называли Колю Сумарокова, имевшего стойкую репутацию стукача), но при случае мог сказать капитану пару слов. Исключительно для блага пациента. — Я же просто пошутил! У нас что, теперь и пошутить нельзя?

— Только за дополнительную плату! Что вы разлеглись тут? Так и собираетесь коротать остаток смены? — с раздражением пробурчал Химель.

— Нет, конечно, — уверил доктора Антон, поднимаясь с кушетки. — Буду качественно выполнять свой долг. Как велела страна и фирма! Мы за это деньги получаем...

Взгляд его задумчиво блуждал по стеклянному шкафчику, в котором доктор хранил восстановительные растворы и растирки. Вожделенные сердцу Делакорнова препараты лежали в стальном сейфе. Впрочем, шкафчик тоже был металлическим. Но металл, не использующийся в несущих конструкциях корабля, удовлетворял требованиям легкости, а не прочности. Поэтому шкафчик при желании можно вскрыть обычным консервным ножом. Подходящий нож, если Антон не ошибается, имеется у штурмана Новицкого. Правда, у Новицкого снега зимой не допросишься...

— Не паясничайте, — попросил доктор Химель и поправил очки. — Ведь культурный в общем-то молодой человек...

— Постараюсь оправдать ваше доверие, — пообещал Антон и пошел к двери. Над его головой вдруг вспыхнула оранжевая лампочка — нестандартная ситуация на корабле. Делакорнов шагнул за порог, но дребезжащий голос Химеля остановил его:

— Молодой человек, когда загорается оранжевый сигнал, все члены экипажа должны выслушать сообщение, а

затем следовать инструкциям дежурного офицера корабля. Нарушение правил поведения влечет за собой лишение премиальных, а в случае тяжких последствий нарушитель может быть оштрафован... Странно, что я вынужден вам это объяснять!

Антон остановился, вернулся в кабинет и с тоской уставился на лампочку. На доктора ему смотреть не хотелось, а лампочка... Что ж, она, по крайней мере, чем-то разнообразила такую знакомую обстановку больничной каюты... Если бы замигали все три лампочки — оранжевая, красная и зеленая, — можно было бы устроить неплохую дискотечку, вроде тех, что на Земле проходят со светомузыкой. Может, Инна оставила бы тогда скучного капитана и присоединилась к веселью?

«Хотя, — подумал Антон, — что это я?! Если бы замигали три лампочки, было бы уже не до танцев. Это означало бы только одно: нам всем кранты. И «Семарглу» — тоже».

— Внимание всем членам экипажа. Произошла рассинхронизация генератора удержания. Величина рассинхронизации — две наносекунды. Программистам и механикам срочно заняты места согласно штатному расписанию! Повторяю: программистам и механикам срочно явиться на рабочие места!

Голос старпома Кияшова был, как всегда, суров. Он и в столовую приглашал, как на казнь.

Доктор тревожно взглянул на Делакорнова.

— Что бы это значило, Антон? Что такое этот генератор удержания? Я о нем слышу в первый раз.

Настал черед торжества молодого человека.

— Вы впервые слышите о генераторе потому, Михаил Соломонович, что он у нас никогда прежде не ломался. Генератор удержания, знаете ли, очень тонкая штука. Он, собственно, и удерживает звездолет в подпространстве. Если генуд перестанет работать или начнет работать некорректно, корабль разорвет в клочки. Может быть, вы-

кинет во внепланковую область пространства. А то и в другую вселенную.

— В другую вселенную?! Как же такое может случиться?! — изумился доктор.

— А никто этого не знает, — хмыкнул Антон. — Живым туда перейти нельзя. Отличие физических констант, знаете ли... Там и звезды горят по-другому. Да и есть ли они, эти звезды...

— Так чего же вы здесь стоите?! — выкрикнул Химель. — Вы ведь механик?

— Механик. Да только если генуд начал сбоить — это амба. Чего зря беспокоиться, суетиться? Лучше нам всем начать принимать амфетамины, барбитураты и прочие препараты, расширяющие сознание и тормозящие панику... Что-то подсказывает мне, что паника скоро начнется!

— Молодой человек, я, кажется, вас предупредил! — проговорил Михаил Соломонович. — Если вы сейчас же не примете мер к ликвидации поломки этого вашего генуда, я сообщу капитану! И вас лишат премии!

— Генуд не мой, а наш общий, — фыркнул Делкорнов. — А премия, возможно, уже никому не понадобится...

— Как это? — тревожно спросил Химель.

— Да вот так...

Беспечно насвистывая, Антон пошел по коридору в сторону генераторного отсека. За поворотом он перестал свистеть и ускорил шаг. Конечно, рассинхронизация на две наносекунды не настолько опасна. Критическая рассинхронизация — пять-десять наносекунд. Но из подпространства нужно выходить. Так предписывают все инструкции и устав космической службы. А с выходом из подпространства шутить не стоит...

Доктор Химель открыл сейф и, не запивая, проглотил оранжевую капсулу.

— Поймешь этих механиков, — дрожащими губами прошептал он, обращаясь то ли к стеклянному шкафчику, то ли к сейфу. — Жрут барбитураты и амфетамины,

пьют спирт, настойки всякие! От Ушлепкина намедни валерьянкой разило и боярышником. А на сердечные боли не жаловался, только ухмылялся загадочно. Водки не было, он весь боярышник из аптечки и вылакал. Девяносто-процентный спиртовой раствор... А что же — работа нервная... Но ведь нужно знать меру! Ме-пу!

Михаил Соломонович с лязгом захлопнул дверцу сейфа. Несмотря на некоторую слабость, подмеченную им в своем характере, он все время боролся с ней и в отдельных случаях мог проявить подлинное мужество. Особенно если это мужество поддерживалось химическими препаратами...

— Вот так гораздо лучше, — заявил он вскоре, переделавшись, словно от холода, поправил очки и решил прогуляться до камбуза. Пока решается проблема с этим проклятым генератором недержания, чтобы не назвать его совсем уже неприлично, можно и перекусить.

На мостике звездолета «Семаргл» паники не наблюдалось. Помимо капитана Зотова, присутствовало еще четыре человека. Из них один только старпом Кияшов должен был находиться здесь согласно штатному расписанию. Двое других, Байрам Камаль и Олег Зайчиков, представляли навигационную комиссию дальней космической разведки. Они должны были приступить к работе только по выходе в заданный район, но и сейчас почему-то ошивались на мостике — не исключено, в надежде поймать капитана на каком-то прегрешении и слегка поживиться за его счет. Кроме того, рядом с Зотовым стояла, улыбаясь, беспечная и, как всегда, великолепно выглядящая Инна Лазуренко.

Антон Делакорнов справедливо полагал, что капитан проводит большую часть свободного времени в ее обществе. Между Петром Викторовичем и девушкой закручивался стремительный роман, которому суждено было так

же стремительно оборваться. Микробиолог, соблазненная высокими заработками дальнего космоса, следовала на «Семаргле» до пересадочного пункта за темной газопылевой туманностью Близницкого у невидимой с Земли звезды Гамма — вектор — девять Весов. Потом она намеревалась направиться к Эпсилону Змееносца, на одну из удаленных промышленных станций, специализирующихся на добыче платины. А звездолет Зотова должен был уйти по вектору Гаммы Весов, в разведывательно-коммерческий рейд.

Задача перед командой «Семаргла» стояла довольно простая, но хлопотная: найти планеты или кольца астероидов с запасами тяжелых металлов. И выполнить заодно правительственный заказ по составлению реестра планетных систем в этом малоисследованном районе Галактики.

— Где Яловега?! — прорычал Кияшов. Только что Камаль и Зайчиков поведали ему о том, как генератор удержания во время их полета на «Торе» рассинхронизировался на двенадцать наносекунд. Корабль вышвырнуло из подпространства на полтора световых года дальше, чем предполагалось, и они болтались в космосе всего в десяти парсеках от Солнца целых четыре месяца, пока их наконец не обнаружила поисковая группа. К этому времени они успели истратить все запасы продовольствия и съесть все кожаные кресла в кают-компании. Самые беспринципные и голодные звездолетчики к моменту прибытия спасателей уже с вожделием подумывали об аппетитной хромовой куртке капитана — которой он дорожил больше, чем всем имуществом корабля. Что самое обидное, команде звездолета «Тор» не только не выплатили компенсацию за неудобства, но даже не заплатили за вынужденный простой. Хозяева объявили, что экипаж сам виноват в сложившейся ситуации. Только членам семей исчезнувших (на Земле поговаривали, что съеден-

ных) членов экипажа назначили пенсию. Этим ведали страховые компании, а не Рудный синдикат.

Старший механик Яловега действительно должен был находиться на мостике уже пять минут, но его все не было. Гости-навигаторы бравировали своим бесстрашием и выражали готовность, если потребуется, снова употребить в пищу что-нибудь неудобоваримое. Инна, напротив, начала проявлять легкое беспокойство. Девушка хлопала длинными ресницами, поглядывая на нервничающего капитана. Настроение Зотова обычно передавалось всем без исключения, но Инна, как самая восприимчивая, первой начала испытывать дискомфорт.

Когда Петр Викторович уже собрался взять работу старшего механика на себя, запыхавшийся Яловега наконец появился. Он дожевывал кусок пиццы весьма тошнотворного вида. Подавился, уронил его на пластиковое покрытие, подобрал, поспешно засунул в рот и пробормотал извиняясь:

— Обе... обедал.

Старпом Кияшов отвернулся и сжал кулаки, чтобы не сказать лишнего.

— Мне что, пожрать нельзя, в самом деле?! — выкрикнул Яловега, дожевав.

— Да я тебя! — не сдержался Кияшов, он собирался сграбастать механика за воротник, но капитан жестом остановил его.

— Готовитесь к долгому дрейфу, Кирилл? — осведомился он.

Старший механик проигнорировал язвительное замечание, занял свое место на мостике и бегло изучил информацию, поступающую с компьютера на шесть контрольных мониторов.

— Нет проблем! — пробурчал он. — Сейчас выйдем из подпространства, заглушим двигатель и быстро все наладим. Непосредственной угрозы для корабля нет.

— Но мы потеряем три дня! — рыкнул старпом.

— Полтора-два, — оптимистично отозвался Яловега. — А если неотреагируем, рискуем потерять несколько месяцев. Время — деньги! Ремонт влетит нам в копейку. А своевременно отлаженный генератор — залог успешного путешествия. Уложимся даже за сутки. Если премию положите. Можно только мне — мои дармоеды и так ничего не делают, но подстегивать их — это же ад крошечный...

Кияшов фыркнул, но промолчал. Зотов заявление старшего механика комментировать тоже не стал, высказался кратко, как обычно:

— Посмотрим.

Инна снова взмахнула ресницами и остановила взгляд на Яловеге. Тот подмигнул девушке, и она поспешно отвернулась, пока капитан не заметил неподобающего поведения старшего механика.

— А вы в курсе, что мы сейчас находимся в самом сердце туманности Близницкого? — осведомился Байрам Камаль.

— Я не навигатор, — откликнулся Яловега. — Курс прокладывает старпом. Вот пусть он и отчитывается.

— В курсе мы, в курсе, — проворчал старпом Кияшов. — Ну и чего? Предлагаете идти дальше? Или выйти здесь?

Зотов удивленно приподнял бровь. Чтобы Кияшов решил с кем-то посоветоваться? Да еще не из членов команды? Похоже, они и впрямь серьезно влипли.

— Устав предписывает выходить из подпространства, — объявил Зайчиков. — В звезду мы не влетим — здесь нет звезд. А пыль и газ не разрушат корпус, только повредят его.

— Выходим, — принял решение капитан.

— Выходим, — эхом отозвался старпом Кияшов, — хотя, сдастся мне, добром это не кончится.

«Семаргл» вынырнул из размытых теней подпространства в реальный космос. Казалось, что корабль фыркнул, словно тюлень, поднявший морду над полыньей. Пыль ошутимо скребла по корпусу. Механик и старпом скороговоркой выдавали команды, выравнивая скорость звездолета и окружающего его пылевого облака.

— Вы говорили, что здесь нет звезд, — подала голос Инна. — А это что? Кажется, будто мы прямо из нее вылетели.

Приникшие к мониторам мужчины не сразу оторвались от созерцания графиков и колонок цифр, чтобы посмотреть в иллюминатор. Капитан Зотов только шире раскрыл глаза. Посрамленный Зайчиков беззвучно открывал и закрывал рот. Один лишь Байрам Камаль сохранил внешнее спокойствие и улыбнулся девушке:

— Поздравляю вас, Инна. Вы стали первооткрывательницей новой звезды. Редкий случай в обжитом космосе.

— Сто двадцать парсек от Солнца — это уже не совсем обжитой космос, — машинально заметил Зотов. — Хотя открытие звезд видимого спектра в такой близости от нашей родной планетарной системы — случай действительно редкий. Ее излучение поглощается туманностью, и поэтому звезда невидима с Земли...

— И что мне за это будет? — спросила Инна, пару раз хлопнула ресницами и приняла такую эффектную позу, что мужчины задержали дыхание.

— Слава, слава в веках, — рассмеялся Байрам. — Материальное поощрение для открывших новые звезды не предусмотрено. Иначе все астрономы стали бы миллионерами. Звезд слишком много...

— Но теперь Инна может дать новой звезде имя, — подал голос Зайчиков.

— Действительно, — согласился Зотов. — Как вы ее назовете, дорогая?

— Какая уж «дорогая»... — не поняла капитана девушка и потупилась: — Может быть, лучше Лазурная?

Самые сообразительные сразу вспомнили, что фамилия Инны — Лазуренко, и в который раз подивились людскому тщеславию. Зотов, который особой сообразительностью не отличался, не понял, что Инна имела в виду, и заявил:

— Она, скорее, грязно-желтая, я бы сказал.

— Прямо-таки дерьмового цвета, — откликнулся Кияшов и поправился, поймав гневный взгляд капитана: — Я не имею в виду ничего... Кхм-кхм... Ну сами посмотрите, цвет похож на дерьмовый! Ну очень похож.

— Евграф Кондратьич, — набрался строгости Зотов, — я вас предупреждал неоднократно. Ваши реплики просто недопустимы. Здесь дамы.

— Дамы не дамы, — пробурчал старпом. — Цвет прямо-таки...

— Кияшов!

— Это из-за пыли, — пояснил Камаль. — Полагаю, что спектр Лазурной очень близок к спектру Солнца. Типичный желтый карлик.

— А по-моему, она большая! — подала голос Инна, обидевшаяся за свою звезду. — И цвет приятный. Персикового оттенка...

— Тогда какого черта лысого вы назвали ее Лазурной? Так бы и окрестили — Персиковой, — фыркнул старпом, далекий от понимания тонких движений девичьей души. — Впрочем, дело ваше... А звезда — не меньше Солнца. И вращается довольно быстро. Впрочем, радости от этого никакой. Пока разгонимся, весь корпус пылью побьем. Мы в гравитационном колодце. То-то я смотрю, пыль странно так... движется. Ну все, курс скорректировать не удастся! Твою налево!

— Здесь дамы, екарный бабай! — выругался Зотов и даже покраснел от ярости. — То звезда ему не того цвета, то всякие намеки себе позволяете, Евграф Кондратьевич!

Да что с тобой такое, в самом деле? Доведешь ты меня сегодня!

— Твою направо! — отозвался старпом. — Если даме вскоре тоже не захочется выругаться, то я ее совсем не понимаю. Эта лазурно-дерьмовая звездочка еще даст нам копоты! Попомните мои слова!

Когда капитан вызвал Антона Делакорнова во внешнюю обсерваторию «Семаргла», помощник механика приготовился получить справедливый, но заслуженный нагоняй. Даже услышать решение о лишении премии и дисквалификации на время полета. Или что-нибудь еще похуже. Мало ли что взбредет капитану Зотову в голову. Кэп слыл самодуром и славился непредсказуемостью.

Но, к его удивлению, Зотов был с ним безупречно вежлив и даже предупредителен. Подозрения вызывали только два типа в форме внешней разведки, которые непонятно с какой целью отирались в корабельной обсерватории. С одним из них, Олегом Зайчиковым, Антон даже познакомился, когда тот в гражданской одежде разгуливал по кораблю. Теперь Делакорнов судорожно вспоминал, не сболтнул ли тогда чего лишнего. Одно дело — потрещать о том о сем с пассажиром, и совсем другое — выяснить, что этот пассажир — вовсе не пассажир, а офицер внешней разведки.

Помощник механика так разволновался, что сейчас не удивился бы ничему. Даже если бы эти разведчики во главе с капитаном повалили его на пол и начали избивать ногами. Значит, действительно есть за что. Значит, выболтал военную тайну. Проклятые амфетамины! Но капитан повел себя так странно, что Антон опешил.

— Кто ты по первой специальности, Делакорнов? — обратился к нему Зотов.

Если учесть, что доступ к компьютеру с личным делом

Антон был открыт для капитана в любое время суток, вопрос был более чем странным. С подвохом.

— У меня одна специальность — механик. Получил ее на высших курсах в Москве...

Антон замолчал.

— Все? — спросил капитан.

— Еще обучался планетологии в Симферопольском университете, но не доучился...

Зотов не торопился прервать паузу, разведчики тоже молчали, поэтому Антон вздохнул и пояснил:

— Отчислили за прогулы и неуспеваемость.

— Жаль, — вздохнул черноволосый офицер-разведчик.

— Ничего страшного, Байрам, — обратился к разведчику капитан. — Секретные файлы досье утверждают, что до четвертого года обучения отметки студента Делаковнова были самыми что ни на есть высокими. Собственно, он считался первым студентом на курсе. А отчислен был за проступки, не связанные непосредственно с учебной деятельностью.

«Ну вот, — подумал Антон. — Кажется, попался. Но что ему, черт побери, от меня нужно? Все десять месяцев, что я служу на «Семаргле», Зотов не производил впечатления законченной сволочи. Солдафон — да. Самодур — да. Даже истеричная самодура — время от времени. Но сдать меня военной разведке... Да и за что, собственно?»

— Позволь познакомить тебя, Антон, — сказал Зотов. — Байрам Камаль и Олег Зайчиков. Навигаторы-федералы.

Антон выдохнул с облегчением. Навигаторы — это даже и не разведка. Точнее, не совсем разведка. Хоть и носят ту же форму.

— Очень приятно, — кивнул Антон. — А почему вас интересует моя так и не полученная специальность, капитан?

— Видишь ли, мы тут выскочили на звезду... — начал Зотов. — Или из звезды...

— Как же, все только об этом и говорят. Желтая звезда, ваша девушка еще назвала ее голубой почему-то, — перебил капитана Делакорнов. — Из серии «не верь глазам своим».

— Не голубой, лазурной... — заметил Зайчиков. — Всякое бывает... И к фамилии ее подходит. Кстати, насчет фамилий. Вот у вас, господин Делакорнов, фамилия очень странная. Не знаете, откуда она такая взялась?

— А что, не нравится? — сощурился Антон.

— Да нет, просто слышу такую фамилию впервые.

— По мне, так одна из лучших фамилий. Редкая, по крайней мере. Зайчиковых хоть пруд пруди, а вот вы попробуйте найдите еще одного Делакорнова! Тут вы правы, вряд ли отыщете. Если вернуться к истории, в позапрошлом веке писарь в сельсовете французскую фамилию объединил с титулом. Знаете, кстати, что такое сельсовет?

— Что-то вроде тинга у исландцев? — предположил Зайчиков.

— Что-то вроде муниципалитета у французов, — фыркнул Антон.

— Так вы, стало быть, француз, Делакорнов? — уточнил Байрам.

— Прапрапрапрадед у меня был французом. А я — русский, — сообщил Антон. — Фамилия-то моя здесь при чем? Что вы вокруг да около ходите? В чем дело-то?

Делакорнов насторожился и снова приготовился к тому, что в ближайшее время его станут бить. Капитан — космодесантник, два разведчика, пусть они и навигаторы, а военная выучка, поди, сказывается... Сейчас притиснут его в углу обсерватории и начнут учить, как это у них принято. За амфетамины. Будто бы именно он и его обморок виноваты в том, что эта странная звезда оказалась в плохо обследованной темной туманности...

— Предлагаем вам провести исследование планетной системы Лазурной, — напрямую заявил Байрам Камаль. — Мы с Олегом специалисты по сдвоенным звездам и шаровым скоплениям. Я, помимо этого, занимался поясами астероидов. Олег — кометами. А ваша специализация, насколько нам известно, — землеподобные планеты.

— Здесь что, есть землеподобные планеты?! — поразился Антон.

Было чему удивляться... Землеподобных планет в исследованном космосе нашли едва ли три десятка. На четырех удалось основать колонии, насчитывающие более ста тысяч человек. Остальные поселения землян среди звезд базировались, как правило, не на планетах, а на крупных орбитальных станциях.

— Планеты есть. И не одна. А целых семь. И похоже на то, что три из них могут по параметрам приближаться к Земле, — заявил Зотов. — Фантастический результат. И потому сомнительный. А наши специалисты-поисковики работают с тяжелыми металлами. Редкими элементами. Коэффициент близости планет они вычислять не могут.

— А что его вычислять? — усмехнулся Антон. — Компьютер вычисляет, не люди. Программа только нужна специальная. А три близкие планеты в одной системе — это сказка. Не верю я в такие чудеса. Вы посмотрите, были тут сколько.

— Программа у нас есть. «Сети-12», — объявил Зайчиков. — Но так получилось, что мы с Байрамом ее не знаем.

— «Сети-9» я близко изучал в университете, — задумчиво пробормотал Антон. — Даже работал с ней. Не думаю, что «Сети-12» сильно отличается от предыдущей версии. Вычислим коэффициенты, отчего же не вычислить...

— Компьютер готов к выполнению заданий программы, — объявил Зотов. — Телескопы, спектрографы, радары — тоже. Все в вашем распоряжении.

— Это хорошо, — ответил Антон.

— Ну что ты замер, как бедный родственник, ты проходи садись, — поторопил его капитан, — да не стесняйся. Работай себе, мы тебе мешать не будем.

— Прямо сейчас?

— А чего тянуть...

Антон бросил взгляд на космодесантников, те замерли в ожидании.

— Ну ладно. — Антон присел к столу и забарабанил пальцами по его поверхности, пододвигаясь к монитору...

Похоже, ему предстояло самое важное дело в жизни. Только бы не осрамиться. Впрочем, в университете он и правда был лучшим на курсе. Вот только с тех пор столько воды утекло...

Курсантская школа, где готовили механиков межзвездных полетов... Он тогда скрыл, что у него уже имеется незаконченное высшее. Да еще по такой престижной специализации, как планетология.

Всего семь месяцев по ускоренной методике, и вот он уже зачислен в команду межзвездного рейса. Не в таком качестве он видел себя на борту настоящего космического корабля, но космос — все равно космос. Полетами в иные миры он грезил с самого детства.

Первым, с кем познакомился Антон, оказался старший механик. Делакорнов прошел по коридору к своей каюте и столкнулся с Кириллом Яловегой возле отсека, откуда имелся доступ к задним дюзам.

— Добрый день, — улыбнулся Антон и протянул руку, — Антон Делакорнов.

— Как? — не расслышал Яловега.

— Делакорнов, — повторил Антон, — я зачислен к вам в команду, я — механик.

— А, вместо безвременно ушедшего от нас Щепки-

на, — пробормотал Яловега, — ну что ж, добро пожаловать на корабль-призрак.

— Что?!

— На «Семаргл» добро пожаловать. С капитаном успел познакомиться?

— Да! — кивнул Антон. — В первую очередь.

— Отлично, тогда по-быстрому переодевайся и дуй сюда, будем приводить в порядок правую заднюю дюзу...

— Что, прямо сейчас? — удивился Антон.

— А что, ты сейчас очень занят? — язвительно поинтересовался старший механик.

— Не очень... — ответил Антон, мучительно соображая, как бы отвертеться от так неожиданно свалившейся на него работы. Не то чтобы он отлынивал от выполнения своих обязанностей — вовсе нет, просто сначала он хотел осмотреться, расположиться.

— Не занят, вот и отлично, — отрезал Яловега. — Поторопись давай... Время — деньги.

Впоследствии Антону предстояло узнать, что эту половицу старший механик употребляет по поводу и без повода и вообще в жизни его интересуют только две вещи — наличные и карточка доступа к его банковскому счету...

— Как, сможешь помочь? — спросил капитан.

— Постараюсь, — ответил Антон, — программа сильно отличается от той, что я изучал в университете.

— Сейчас на тебя вся надежда...

Зотов смотрел на Антона так, что ему стало не по себе. Вдруг вспомнилось странное видение, в котором за ним гнались чудовища, а по небу плыла фиолетовая луна... Или не видение, а реальность?

— А что, если я не смогу разобраться? — выдавил он.

— Не сможешь — будем считать, что ты ни на что не годен, спишем тебя на берег, и будешь до конца своих

дней секукарить гнушек¹, — откликнулся Зайчиков. — Понял, али как?

— Понял, — проворчал Антон и мстительно подумал: «Это мы еще посмотрим, кто у нас будет гнушек секукарить. Вот не пожалею трех рублей, черкну по подпространственному каналу письмецо твоему руководству на Землю, что ты тут на борту «Семаргла» пьянствуешь отчаянно и вообще находишься в близких отношениях со своим коллегой, татаринном по имени Байрам... Насчет Байрама это, конечно, неясно... А вот в состоянии полного алкогольного ступора Зайчиков пребывал не раз, тычась в переборки корабля или во все каюты подряд».

Делакорнов вошел в меню и начал разбираться с программой, потом крутанулся на стуле. Разведчики и капитан все время стояли за спиной и внимательно наблюдали за ним. Эдакий немой контроль за его действиями.

— Не могу я так, Петр Викторович! — Антон повернулся и ткнул пальцем в Зайчикова: — Этот мне всю спину взглядом просверлил. Я чувствую с его стороны немотивированную враждебность по отношению ко мне и не могу работать. Отказываюсь я так работать.

— Ишь ты, немотивированную враждебность он чувствует! — Олег Зайчиков зыркнул на Антона недобро и сказал: — Ладно, пойду, раз я ему так сильно мешаю! — Он усмехнулся: — Давай старайся, Делакорнов. А не получится, ты меня понял насчет гнушек...

Зайчиков стремительно вышел из каюты капитана. Байрам Камаль, покачивая головой, последовал за ним.

— Теперь ты доволен? Давай к делу, — сказал капитан.

— Хорошо... — Антон пробежался по клавиатуре, запуская основной программный модуль — сложности в новом продукте компании «Кремлевский софт» было не

¹ Фразеологизм. Секукарить гнушек — заниматься самой черной работой. Пришло в язык от первых колонистов, которым, для того чтобы выжить на Венере, приходилось секукарить венерианских гнушек.

больше, чем в предыдущем, — простой интерфейс, продуманное ядро. Для специалиста, знакомого даже с первой версией, не представляло проблемы за считанные минуты освоиться с двенадцатой...

Программа «Сети-12» работала около часа. За это время она выявила вокруг только что открытой звезды семь крупных планет и пару десятков астероидов. Из семи обнаруженных планет четыре принадлежали к земной группе: вторая, третья, четвертая и пятая. Шестая и седьмая — газовые гиганты.

Пятая планета могла представлять для землян только утилитарный интерес — если бы, скажем, на ней обнаружился запас ценного минерального сырья. Следов вулканической деятельности на планете заметно не было. Температура поверхности не поднималась выше ста девяноста Кельвинов, или минус восьмидесяти градусов по Цельсию.

Зато вторая, третья и четвертая планеты показали капитану счастливой находкой, благодаря которой рейд «Семаргла» может даже остаться в истории межзвездных исследований.

Первая планета не представляла собой ничего интересного — раскаленный кусок камня без атмосферы, купающийся в жестком излучении звезды. Вторая была интереснее. Она отстояла от Лазурной на расстояние в восемь десятых астроединицы¹. Вращалась планета по почти круговой орбите и имела крупный спутник с высоким альбедо².

Орбита второй планеты представляла собой ярко вы-

¹ Астрономическая единица — среднее расстояние от Земли до Солнца. Используется для измерения расстояний внутри планетных систем.

² Альбедо — отражательная способность поверхности небесного объекта.

раженный эллипс. Расстояние между планетой и звездой колебалось от 1,1 астроединицы до 1,3. Третья планета отстояла от своего солнца на расстояние в полторы астроединицы. По отношению ко второй планете наклон орбиты третьей составлял двенадцать градусов, а четвертой — двадцать. Третья и четвертая планеты вообще выделялись из общего ряда углом наклона орбиты — все остальные небесные тела вращались вокруг Лазурной примерно в одной плоскости.

Программа «Сети-12», исследовав спектральный состав атмосферы, магнитные и температурные характеристики, периоды вращения планет, размеры их спутников, выдала коэффициенты соответствия: 0,92 для второй планеты, 0,97 для третьей и 0,77 для четвертой. Но коэффициент соответствия для второй планеты отличался некоторым своеобразием. Эта планета системы Лазурной подходила для существования белковых форм жизни больше, чем Земля! Во всяком случае, та Земля, которая существовала в настоящее время и представляла собой планету, сохранившую следы великого оледенения!

— Готово! — Антон откинулся на спинку кресла.

— Погоди-ка, — сказал Зотов, — сейчас позову наших друзей.

Все это время разведчики-навигаторы дежурили в коридоре, успев порядком возненавидеть молодого заносчивого механика. В последний момент к ним присоединилась Инна и несколько скрасила их ожидание. Разведчики решили пока не пускать девушку в обсерваторию, сообщив ей, что там проводится важное исследование окружающего космоса с помощью секретной разработки. Потом, когда «добро» от Делакорнова было получено, вошли все вместе. В маленькой обсерватории сразу стало тесно.

Когда Антон изложил присутствующим данные расчетов программы «Сети-12», в каюте воцарилось молчание. С одной стороны, компьютерному анализу сложно было

не верить. С другой — слишком фантастично все это выглядело!

— А может быть, на этих планетах есть жизнь? — поинтересовался Байрам Камаль. — Что компьютер говорит по этому поводу?

Делакорнов взглянул на разведчика свысока.

— Компьютер сам по себе не может сказать абсолютно ничего. Это же не пресловутый искусственный интеллект, которым пугали детей в двадцать первом веке! Программа «Сети-12» хороша, но сугубо утилитарна. Она предназначена для определения коэффициента соответствия планет некоторым нормам. Это все. Программные модули по обнаружению внеземных форм жизни имеются, если я не ошибаюсь, в вашем ведомстве. Я, кстати, никогда с ними не работал. Да и вряд ли компьютер «Семаргла» снабжен такими модулями. Идея относительно того, что в ближайших двухстах парсеках от Солнца есть разумная жизнь, подвергалась серьезной критике неоднократно. Отсутствие радиоизлучения, возбуждений подпространства и все такое... А что касается разных амёб и ящериц... Они, конечно, вполне могут жить на обнаруженных нами планетах... Но это уже простые домыслы.

— Могут жить, — эхом отозвалась Инна. — И все это около моей звезды!

— Угу, — подтвердил Антон. — Кстати, Петр Викторович, если здесь так щедро раздаются права называть то или иное небесное тело... Мой вклад в общее дело, как мне кажется, тоже заслуживает поощрения. Премии я не прошу. Знаю, что не положено. Как насчет какой-нибудь захудалой планетки? Могу я назвать ее, как мне нравится?

— Делакорновка? — хохотнул Зайчиков. — Или Амфетаминовка? А что, тоже вариант.

Антон вспыхнул:

— Ну уж нет! Ни Нирваной, ни Зайчиковым Раем я ее называть не стану. И своим именем — тем более. Так что